

АЛЕКСАНДР КОЗЛОВСКИЙ

ЭФФЕКТ РЕДЬКИНА

Комедия-гротеск
в двух действиях

Действующие лица

Редькин — изобретатель.

Мария — его невеста.

Анюта — ее подруга.

Петр Филимонович Редькин — отец Редькина.

Прасковья Андреевна Редькина — мать Редькина.

Директор.

Бриз.

Редактор многотиражной газеты.

Павел Сергеевич — руководитель городского масштаба.

Василь Василич — бригадир.

Алексей.

Передовик.

Несун.

Пьяница.

Следователь.

Милиционер.

Всехватский — действительный член.

Японец.

Эмигрант.

Первая, Вторая и Третья бабы.

Негр, Гейша, Сюрприз из Дюссельдорфа.

Соседи, гости на свадьбе, пионеры.

Очередь.

Посетители.

Примечание. В пьесе три массовые сцены: свадьба, митинг и финал. Степень их массовости — на усмотрение режиссера. В связи с этим открывается возможность исполнения одним актером двух ролей. Например: Павел Сергеевич — Петр Филимонович Редькин, Василь Василич — Милиционер, Передовик — Следователь, Алексей — Пьяница, Несун — Всехватский, Прасковья Андреевна Редькина — Третья баба, Вторая баба — Гейша и т. д. Авторские ремарки могут быть прочитаны Лицом от театра или прозвучать в радиозаписи.

Действие пьесы происходит в... Впрочем, если вы знаете, в каком году Иванушка поймал говорящую щуку, вам не составит труда определить точную дату описанных здесь событий.

С местом действия дело обстоит несколько лучше. Судя по особенностям языка персонажей, это один из среднерусских городов, расположенных между Калугой, Рязанью и Курском.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Предместье. Одноэтажные домики, невысокие заборы, слева — водозаборная колонка. Два палисадника с уже отцветшей сиренью и посередине скамейка. Вечер. На скамейке двое — Редькин и Мария. Где-то играет балалайка. Слышен перестук колес проходящего вдалеке поезда.

Мария. Ваня, скажи, что любишь.

Редькин. Ясное дело — люблю.

Мария. А за что?

Редькин. За что, за что... За конопушки.

Мария. Опять ты!

Редькин. Шучу. За то, Маша, что ты одна такая на всем белом свете. А еще за то, что меня понимаешь.

Мария. А ты, Ваня, ты такой... такой... Ну, в общем, не такой, как все.

Редькин. Как выражается Василь Василич, со сдвигом по фазе.

Мария. Верно, со сдвигом. Но в хорошую сторону.

Редькин. А ведь я, Маша, открытие сделал.

Мария. Опять?

Редькин. Нет. То все изобретения были. А это открытие.

Мария. А какая разница?

Редькин. Большая. Изобретение — это когда жизнь улучшается с какой-нибудь одной стороны — и очень незначительно. А открытие — это когда все сразу и обязательно в масштабе страны.

Мария. Ваня, да неужто ты — и в масштабе страны?

Редькин. Самому страшно. Но открытие такая штука, вроде шила в мешке, если открыл — утаить невозможно.

Мария. Про что хоть оно?

Редькин. Расскажу, Маша, тебе первой расскажу. А ты не подведи, не проболтайся. Пока не опубликуют — никому.

Мария. Ой, Ваня, скорее рассказывай!

Р е д ь к и н. Придумал я, Маша, удивительную вещь. Вот ты мне скажи: хорошо мы живем?

М а р и я. Кто? Мы?

Р е д ь к и н. Нет, я вообще.

М а р и я. Вообще хорошо живем.

Р е д ь к и н. А лучше можно?

М а р и я. Чудак-человек, конечно, можно.

Р е д ь к и н. А что нам мешает?

М а р и я. Известно что — трудности.

Р е д ь к и н. Ты мне лозунги брось. Ты по-простому говори.

М а р и я. Да не знаю я.

Р е д ь к и н. Так и скажи, что не знаешь. А у меня про это открытие.

М а р и я. Про что?

Р е д ь к и н. Про то, как нам лучше жить.

М а р и я. Сразу и в масштабе страны?

Р е д ь к и н. Сразу и в масштабе.

М а р и я. Говори скорее, сил нет терпеть!

Р е д ь к и н. Ведь как у нас получается: открыли мы, к примеру, аномалию. А в аномалии этой — чего только нет. Менделееву столько не снилось. А здорова — не то что пешком, на машине за день не объедешь. И что мы делаем? Берем из нее, что нам сейчас надо, что сверху лежит, а остальное в отвал.

М а р и я. Ты, Ваня, потише. Услышат.

Р е д ь к и н. А что? Я правду говорю! Наплавили мы металла больше всех. Куда столько девать? Любой капиталист в тупик бы встал. А мы нет. Мы половину в стружку, а что осталось — на улицу под снег!.. Прошлой осенью ездили мы на картошку. Тракторист с утра поле пропахал, а мы, как водится, подбирали. Хотел я тогда найти того тракториста. Я б его бить не стал, я б ему в глаза плюнул — половина картошки в земле осталась!

М а р и я. Это, Ваня, каждый знает. Открытие твое в чем?

Р е д ь к и н. Открытие? А в том оно и состоит, чтобы порядок этот изменить. Ты представь только: если каждый на своем месте станет работать не за деньги, а за совесть, если каждый винтик в дело, каждое зернышко в закрома, если не пить да до полдня не перекуривать, если каждую минуту с пользой, если все разом. Что ж тогда получится, а, Маша?

М а р и я. Коммунизм получится.

Редькин. Правильно.

Мария. Так это когда еще!

Редькин. Скоро уже. Я завтра утром к начальству иду. Неделю на рассмотрение, потом в газеты... Внедрение, я думаю, не больше года займет! И все — полное изобилие.

Мария. Ваня, мне страшно...

Редькин. Чего ж тут страшного?

Мария. Боюсь, бросишь ты меня. Станешь знаменитым и бросишь.

Редькин. Вот этого, Мария, чтоб я больше не слышал! Я тебе не Фигаро, чтоб нынче здесь, завтра там. У меня сердце верное. Главное, ты меня люби, и, когда изобилие наступит, не забудь.

Мария. Что ты, Ваня, разве я дура какая, чтоб непьющего мужика упустить.

Редькин. Маша...

Мария. Чего?

Редькин. А детей у нас сколько будет?

Мария. Сколько захочешь, столько и будет.

Редькин. А если я много захочу?

Мария. Пожалуйста. Но только сначала изобилие.

Редькин. В этом не сомневайся.

Мария. Вот и договорились. Но после свадьбы.

Редькин. А сейчас нельзя?

Мария. Ты, Ванюша, вот что, проводи-ка меня домой. Мне завтра вставать рано.

Встают со скамейки и, обнявшись, уходят.

Поют соловьи. Освещение меняется. Раннее утро. У колонки повстречались Мария и Анята.

Мария. Ой, Анята, держи меня крепче, со мной сейчас будет информационный взрыв.

Анята. Так Расскажи, пока не взорвалась.

Мария. Замуж я выхожу!

Анята *(равнодушно)*. За Редькина?

Мария. За него.

Анята. Нашла за кого.

Мария. А чего? Непьющий, ласковый.

Анята. Да он со сдвигом. На что жить будете?

Мария. А нам много не надо.

Анята. Нет, Маша, Редькину твоему, может, и ничего не надо, а вот тебе... Ты даже не представляешь, сколько тебе всего надо!

Мария. А если не представляю, значит, и не надо.

Анята. Ишь ты, не представляет она. А люди на

что? Вот я тебе сейчас расскажу, что тебе надо, ты потом с раннего утра до поздней ночи по очередям будешь толкаться — половины не соберешь.

Мария. Суета это все, Анюта. И ничего этого скоро не будет.

Анюта. Совсем ничего?

Мария. Нет, наоборот. Все будет. Только очередей не будет.

Анюта. Всегда были и вдруг не будет. С чего бы это?

Мария. А с того, что Редькин сделал открытие. Ой!

Анюта. Что с тобой?

Мария. Проговорилась. Он мне одной сказал. Просил не разглашать.

Анюта. Разглашать! Сказанула. Я тебе подруга или нет?

Мария. Подруга.

Анюта. Вот и говори скорее, что за открытие. А то у меня уже вот здесь жжет.

Мария. Ладно, только никому!

Анюта. Как в швейцарском банке.

Мария. Чего?

Анюта. Это в Европе так говорят. По-нашему — могила.

Мария. Совсем другое дело. А сделал Редькин такое открытие, что если его внедрить, то меньше чем через год наступит полное изобилие.

Анюта. Да ты что? А не врет?

Мария. Чего ему врать?

Анюта. А то не знаешь: охмуряет.

Мария. Зачем ему охмурять, когда скоро свадьба?

Анюта. Значит, изобилие?

Мария. Самое что ни на есть.

Анюта. А женихов тоже изобилие?

Мария. Тоже... Хотя постой. Откуда им через год новым взяться? Женихов, значит, сколько было, столько и останется.

Анюта. А говоришь: изобилие. Когда такой срунды вдосталь не будет.

Мария. Если каждая будет, как ты, копать, то конечно, не будет. Ты бери, что на тебя смотрит, и дело с концом.

Анюта. С концом! А если все шушера смотрит?

Мария. Смотри, Анюта, довыбираешься.

Анюта. Мне бы, Маша, за начальника... А еще лучше за иностранца.

Мария. За иностранца! Сказала тоже. Да как вы с ним говорить-то будете?

Анюта. Нет, Маша, иностранцы, они знаешь какие! Он хоть ни слова по-нашему не понимает, а все равно подход к женщине знает. Мур-мур, говорит, мой амур. Амур — это по-ихнему любовь. А сам аж дрожит весь.

Мария. Да ты никак нашла кого?

Анюта. Нашла, Маша, нашла. Учится он здесь.

Мария. Из себя какой?

Анюта. Смугленький такой, курчавенький.

Мария. Сильно смуглый?

Анюта. Сильно. Только ладошки белые.

Мария. Негр, что ли?

Анюта. А хоть и негр! У нас все нации равны.

Мария. У нас-то равны, а вот как у них — неизвестно. Может, у него там гарем или что похуже?

Анюта. Он говорит, что они за демократию.

Мария. Демократия, она тоже разная бывает. Нам лектор на политинформации говорил: иной раз один только разговор, что демократия. А на самом деле гарем и полнейшее обнищание трудящихся масс.

Анюта. Ну не скажи. Тебе твой Редькин что подарил?

Мария. А зачем мне дарить? Я и так согласна.

Анюта. То-то. А мне мой подарил. Вот. *(Показывает.)*

Мария. Серьезно ухаживает. А жениться когда обещал?

Анюта. Сразу прямо и жениться! У них так не принято. У них сначала амур, а потом жениться.

Мария. Эх, Анюта, девка ты, а не кошка. Тебе б сначала замуж, а потом мур-мур.

Анюта. Вот я и думаю: может, лучше за начальника?

Мария. Тебе бы лучше за Алексея. Чем плох парень? Он хоть и не «амур», а свой, надежный.

Анюта. Неперспективный он.

Мария. Гляди, Анюта, устроит тебе твой курчавый такую перспективу — ни в одно платье не влезешь.

Анюта. Ой, Маша, уж и не знаю, что мне делать.

Мария. И я не знаю. Думай сама. Но помни, что я тебе сказала. Я своему Редькину верю. Как сказал,

так и будет. Из этой перспективы и исходи. А я побегу, пора мне.

Подхватив ведра, Мария уходит. Анята наливает воду. Появляется
Первая баба.

Первая баба. Здравствуй, Нюра.

Анята. Доброго здоровьица, Дарья Пантелеевна.

Первая баба. Что, Нюра, нового сказывают?

Анята. А не разболтаете?

Первая баба. Вот тебе крест!

Анята. Говорят, Редькин открытие сделал.

Первая баба. Будто мало их, открытий-то. И так вон все небо продырявили — зимой снега не стало. А про что открытие?

Анята. А про то, что, начиная с будущего месяца, всего будет вдоволь. Полное изобилие.

Первая баба. Спасибо, что сказала. Сейчас в магазин побегу, надо скорее соли набрать.

Анята. Соли? А зачем?

Первая баба. Так ведь не в первый раз. Как про что такое слух пройдет, так сразу соль пропадает... Если пять раз встать, мне надолго хватит.

Обе поспешно уходят.

Палисадники исчезают, и на их месте появляется конструкция, напоминающая пчелиные соты. Вместо меда в ячейках канцелярские столы, сейфы, скоросшиватели и прочее оборудование. За каждым столом, как пчела, трудится служащий. Появляется Редькин. Он в черном костюме и при галстуке. В первой ячейке на его пути за-сел Бриз.

Бриз. Открытие, говоришь?

Редькин. Открытие. Каждый винтик в дело, каждое зернышко в закрома, чтоб не прогуливать и без перекуров, если все разом.

Бриз. Молодец, что ко мне пришел.

Редькин. Как представлю, что из этого получится, — дух захватывает.

Бриз. Одно плохо, друг Редькин. Не тянет оно на открытие.

Редькин. Как — не тянет?

Бриз. И на изобретение тоже не тянет.

Редькин. Почему?

Бриз. Новизны нет. Если каждый винтик в дело, да если все разом... Просто очень и каждому ясно.

Редькин. А Ньютон?

Бриз. При чем здесь Ньютон?

Редькин. А при том, что все видели, как яблоки

на землю падают. Но никто не задумался — почему. А Ньютон посмотрел, подумал и объяснил, что это закон всемирного тяготения. Вот так и я.

Б р и з. Прославиться захотел?

Р е д ь к и н. Зря вы, товарищ Бриз, мне слава безразлична. Я потому к вам пришел, что открытие мое безотлагательное. Чем скорее внедрим, тем скорее наступит изобилие.

Б р и з. Скорее, скорее! Знал бы ты, Редькин, сколько тут вашего брата ходит. И каждый вроде тебя: по столу стучит, волнуется — давай, мол, внедряй!

Р е д ь к и н. Конечно. Жизнь ведь на месте не стоит, она вперед идет.

Б р и з. Верно, вперед. И скажу я тебе, что большинство изобретений проверки жизнью не выдерживает. Всего на каких-нибудь год-два под сукно положишь — глядь, оно и устарело. Чего кричал, чего суетился? Я это давно понял. И теперь все изобретения вот сюда складываю, в ящик. Видишь, сколько лежит. Лет через пять можно будет все спокойно выбросить, все устареет.

Р е д ь к и н. И мое сюда?

Б р и з. У тебя что?

Р е д ь к и н. Открытие.

Б р и з. С открытием еще проще. Настоящее открытие, Редькин, само себе дорогу пробьет. Хочешь, в сейф его положи и ключ потеряй, хочешь в бочку засмоли и в море — все равно всплывет. Изобрел, к примеру, Ползунов паровую машину, мало того — сам ее построил. Из самого Петербурга специалисты приехали: все верно — работает машина. Похвалили: молодец, мол, Ползунов, валяй дальше. И больше ничего. Ни премий, ни наград — никакого шума. А тут Ползунов возьми да помри. Без него за машиной смотреть некому — заржавела и развалилась. Казалось бы, все, погибло изобретение. Нет, не погибло. Через десять лет опять построили, еще лучше. Правда, не у нас, но дело не в этом. Главное, не умерла идея, выдержала испытание временем.

Р е д ь к и н. Но почему? Почему надо ждать десять лет? Если можно сейчас. Ведь через год результат! Неужто изобилие кому повредит?

Б р и з. Не знаю, не знаю. А вдруг повредит? Это в тебе, Редькин, эгоизм изобретателя говорит. Открыл чего-то и сразу в амбицию: люди, вот он я, ваш благодетель! Ты остынь, Редькин, остынь. Я тебе пример

поближе приведу. Вспомни Эйнштейна. Ну, открыл он, что все относительно. Что, скажешь, хорошо? Приди он ко мне, я бы ему сказал: ты вот что, друг Эйнштейн, сам догадался и помалкивай. Потому что если все относительно, то как дальше жить? Ты представь, Редькин, все относительно! Я бы этого Эйнштейна... Да и то сказать: он сам потом пожалел, что открыл. Как из его относительности бомбу атомную сделали, так и раскалялся. А приди он ко мне — ничего бы не было: ни Хиросимы, ни крылатых ракет — ничего! Ну, давай свое открытие. Я его пока в сейф положу, в самый низ. Место надежное. Тут у меня уже два лежат, вроде твоего. Ты, Редькин, молодец, что ко мне пришел.

Редькин. Знаешь ты кто?

Бриз. Кто?

Редькин. Инфузория туфелька.

Бриз. Обижаешь, Редькин. Я с тобой как с человеком.

Редькин. Я-то человек, а ты — одноклеточное! Но я на тебя управу найду. *(Уходит.)*

А пока Редькин идет в другой кабинет, на авансцене встретились две бабы. Первая баба несет наперевес две авоськи с солью.

Вторая баба. Чего это ты, Дарья Пантелеевна? Капусту солить вроде рано, а огурцы поздно.

Первая баба. Не знаешь ты ничего. А мне верный человек такое сказал... Иди сюда... *(Шепчет ей что-то на ухо.)*

Вторая баба. Вот несчастье! Ты мне очередь займи, я сейчас домой схожу и назад.

Первая баба. Давай, только быстрее.

Вторая баба. Хорошо, что я тебя встретила.

Обе уходят.

А Редькин пробился на прием к Директору. В этот момент Директор говорит по телефону.

Директор. Ты кому это говоришь? Ты мне это говоришь? Да я тебя за такие слова, гидрид-ангидрид! Чтоб к вечеру было! Коккер-дроккер-хобот-в-робот-ельтавот-коловорот-твою-двадцать-пять-на-восемь! Ты кто?

Редькин. Редькин.

Директор. Садись, я сейчас. *(Снимает трубку.)* Что с планом?.. Сколько? Хочешь, чтобы мне голову оторвали?.. Сколько дашь к вечеру?.. Помножь на два... Я сказал: на два! Душу выну! Гидрид-ангидрид! *(Редькину.)* Что у тебя?

Редькин. Я по важному делу.

Директор. Сиди, если по важному. Я сейчас. *(Снимает трубку.)* Где стальной лист? Я спрашиваю, где стальной лист?! Что, железная дорога? Если она железная, так на нее все валить можно?.. Что, вагоны? Что, вагоны?! На себе носи! Коловорот-твою-двадцать-пять-на-восемь! *(Редькину.)* Выкладывай. Только быстро.

Редькин. Я сделал открытие.

Директор. Открытие? С этим в БРИЗ.

Редькин. Был. Бриз зажимает.

Директор. Сигнал не первый. Ты вот что, Редькин, приходи в начале месяца, мы не торопясь разберемся. И если что не так, я этого Бриза отправлю в круиз по подшефным колхозам.

Редькин. Не могу я ждать. Открытие мое безотлагательное.

Директор. Погоди, так ты изобретатель?

Редькин. Он самый.

Директор. Слушай, Редькин, а у тебя нет ничего такого, чтоб за два часа из Нижнего Тагила сюда перебросить два вагона проката?

Редькин. За два часа?

Директор. За два часа. Иначе горим мы все ясным огнем.

Редькин. Из Нижнего Тагила?.. Нет, такого современная наука еще не может.

Директор. Пасует наука перед жизнью, пасует...

Звонит красный телефон.

Я слушаю... Да, Павел Сергеевич, конечно... Как всегда. Не сомневайтесь. Сколько обещал, столько и дам. Нет, больше не могу. Все на пределе... Понял, Павел Сергеевич. Изыщем, мобилизуем! Не сомневайтесь... До свидания, Павел Сергеевич... *(Длинно и беззвучно ругается и кладет трубку.)* Видал, Редькин? Я свой план не знаю как выполнить. Честное слово, каждый месяц, как вытяну план, потом две недели хожу и удивляюсь: как? Я бы дольше удивлялся, но тут опять конец месяца, опять его вытягивать надо. И в самый напряженный момент звонят оттуда *(палец вверх)* и просят город не подвести. Какой-то подлец план завалил, а я отдувайся! Слышь, Редькин, а ты швеллер пятый номер можешь достать?

Редькин. Не знаю. Открытие у меня.

Директор. Завидуют, наверно,— директор! На машине туда, на машине сюда... В восемь утра сюда, в десять вечера туда. Веришь, какой голос у жены, забыл — я ее только спящей вижу. Нет, Редькин, будет кто предлагать директором — не соглашайся. Мне в конце каждого месяца строгий выговор с последним предупреждением дают, а в начале следующего снимают. Так вот и живу, как минер. А селитры у тебя нет?

Редькин. Селитры нет.

Директор. Да ты не расстраивайся. Ее ни у кого нет. Мне иногда кажется, что ни у кого и нигде вообще ничего нет. А если у кого что и есть, значит, оно никому не нужно.

Редькин. А как же тогда завод работает? Ведь какое-то сырье присылают... Я видел.

Директор. Сырье! Позавчера мне три вагона такого сырья привезли, что из него не то что продукцию — ширпотреб, и тот нельзя делать.

Редькин. А может, лучше отказаться? И назад с рекламацией...

Директор. С ума сошел? Они тогда вообще ничего не пришлют.

Звонят сразу три телефона цвета обыкновенного, Директор снимает три трубки, сложив их вместе.

(Кричит.) Не знаю, где вы что возьмете, но чтоб к вечеру план был! Душу выну! Гидрид-ангидрид-коккер-дроккер-хобот-в-робот-ель-тавот-коловорот-твою-двадцать-пять-на-восемь!!! Ты кто?

Редькин. Редькин.

Директор. Вот что, Редькин, бери командировку и дуй в Караганду. Месяц сиди, два сиди, сколько надо, столько и сиди, но без швеллера не возвращайся! Душу выну! Коловорот-твою-двадцать-пять-на-восемь!

Дальше слушать Директора Редькин не стал и помчался туда, куда еще можно пойти, если на тебя накричал Директор: в заводскую газету, к ее главному редактору.

А пока он бежал, на авансцене образовалась очередь, уходящая за кулисы. В самом ее конце стоят Первая и Вторая бабы. Подходит Третья баба.

Третья баба. Кто крайний?

Первая баба. Я крайняя. Только сказали, чтобы больше не становиться.

Третья баба. Ой, бабы, да как же это? Что ж мне делать-то? Всегда у меня так: в лотерею хоть рупь

какой выиграть — так нет. Слышь, бабы, а может, я встану? Она и не заметит.

Первая баба. Заметит. У меня платок приметный. Она так и сказала: за женщиной в красном платке не занимать.

Третья баба. Ой, что ж делать-то? А, придумала! Давай с тобой платками поменяемся. У меня платок такой же, только что зеленый.

Первая баба. Нешто поменяться? Катерина Андреевна, как думаешь, поменяться?

Вторая баба. Да и поменяйся. Не навсегда же.

Первая баба. Ладно, давай...

Меняются платками.

Третья баба. Вот спасибо! Вот выручили! Дай вам бог здоровья. А что дают-то?

Первая баба. Откуда мне знать? Я сама недавно встала.

Третья баба (второй). Женщина, чего дают-то?

Вторая баба. Что есть, то и дают. Все одно, завтра реформа.

Третья баба. Надо же! Всегда я все последняя узнаю!

Заволновалась очередь, подалась вперед и пропала. А Редькин оказался в кабинете Редактора.

Редактор. Так что у тебя, Редькин?

Редькин. Открытие.

Редактор. Открытие — это в БРИЗ.

Редькин. Был.

Редактор. Ну и что?

Редькин. Зажимает.

Редактор. А ты бы к директору.

Редькин. Был.

Редактор. Везде он был! И что директор?

Редькин. Послал за швеллером.

Редактор. А почему ты не поехал?

Редькин. Да перепутал он меня! Может, в снабжении какой другой Редькин работает.

Редактор. А как он сказал?

Редькин. Сказал, чтоб без швеллера не возвращался.

Редактор. Влип ты, Редькин. Ты теперь, пока швеллер не достанешь, на глаза ему не попадайся. Меня он в прошлом году за серной кислотой послал. С тех

пор я к нему ни ногой. Между нами говоря, к нему в конце месяца вообще заходить нельзя, обязательно куда-нибудь пошлет.

Р е д ь к и н. И что мне теперь делать?

Р е д а к т о р. Поезжай. Глядишь, дадут. У тебя лицо жалкое.

Р е д ь к и н. Не мое это дело — швеллер искать. Я открытие сделал. Да такое, что если его внедрить в масштабе всей страны, то через год этого швеллера будет — во! Не будем знать куда девать.

Р е д а к т о р. Так тоже не годится. Выходит, никто план по реализации не выполнит. А у нас, Редькин, от этого премия зависит.

Р е д ь к и н. Да это я так, к слову. Найдем куда деть — страна большая. Я к тому клоню, что открытие мое обещает в ближайшем будущем полное и окончательное изобилие.

Р е д а к т о р. Стоп, дальше не надо.

Р е д ь к и н. Как не надо? Я главного не рассказал: как этого достичь.

Р е д а к т о р. Знаешь, Редькин, как это одним словом называется?

Р е д ь к и н. Знаю.

Р е д а к т о р. Нет, не знаешь. Волонтаризм это. Явление знакомое и справедливо осужденное.

Р е д ь к и н. Ты мне, товарищ редактор, голову не морочь! Ты мне по совести скажи: поможешь или нет?

Р е д а к т о р. Ну что тебе от меня надо?

Р е д ь к и н. Помоги открытие до людей донести.

Р е д а к т о р. Это Бриза работа.

Р е д ь к и н. А если Бриз зажимает? Помоги — напечатай!

Р е д а к т о р. Без визы Бриза не имею права.

Р е д ь к и н. Не даст он визу. Инфузория он. Про него фельетон надо.

Р е д а к т о р. Не имею права. Фельетоны только с согласия дирекции.

Р е д ь к и н. Погоди. Тут виза, там согласие. А сам ты за что отвечаешь?

Р е д а к т о р. Дотошный ты, Редькин. Надо тебя в народные контролеры предложить.

Р е д ь к и н. Не увиливай! Говори, в чем твоя работа?

Р е д а к т о р. Нечего мне увиливать. Я, товарищ Редькин, рядовой боец идеологического фронта.

Р е д ь к и н. И с кем же ты воюешь?

Редактор. С кем надо, с тем и воюю... С империализмом, с терроризмом, с неокOLONиализмом, в общем, работы хватает.

Редькин. Тебе бы лучше Бризу войну объявить. Чтобы изобретений под сукном не держал.

Редактор. Эх, Редькин, Бриз с точки зрения борьбы идеологий — факт микроскопический. Его в рабочем порядке решать надо. А заводская печать должна указывать нам путь в светлое будущее.

Редькин. А я что говорю? Открытие мое про то, как этого будущего достичь. И не когда-нибудь, неизвестно когда, а ровно через год.

Редактор. А говоришь, кому указывать. Вот таким, как ты, и надо указывать. Потому что возомнил себя умнее всех. Через год! Вон какие ученые — не чета тебе, годами сидят думают, ночами не спят — мучаются, не доедают, не допивают, а окончательного срока назвать не могут. Это, Редькин, и есть научный подход. А через год, как ты предлагаешь, — это волюнтаризм.

Редькин. Значит, не поможешь?

Редактор. Не мое это дело. Вот если б надо было что истолковать, тут я, пожалуйста. Истолкую в нужном свете.

Редькин. Не нужны мне твои толкования! Сам грамотный и газеты, между прочим, тоже читаю.

Редактор. Читаешь, а не в курсе. Пришел, раскричался: изобилие, изобилие! А где ты что про это видел? Сейчас, Редькин, дана установка на прогресс. А когда будет установка на изобилие, тогда приходи — поддержи. И вообще повнимательней газеты читай. В них все написано. Никогда не ошибешься.

Редькин. А что как однажды центральные газеты не выйдут? Землетрясение или ураган? Что делать будешь?

Редактор. Наши газеты все равно выйдут. А на прощание скажу неофициально: жениться тебе, Редькин, надо.

Редькин. Да я и женюсь. Скоро уже.

Редактор. Вот и молодец. Я на свадьбу приду — речь произнесу. Все, что надо, расскажу и истолкую.

Взметнулся вихрь корреспонденций и установок, закружил Редькина и умчал прочь. Исчезли кабинеты-ячейки, и возникла снова улица с палисадниками и скамейкой. На скамейке — Редькин и

М а р и я.

Мария. Что, Ваня, печальный такой? Нездоровится или не выспался?

Редькин. Ты, Маша, меня не подковыривай. Грущу я.

Мария. Ты не девка, чтобы перед свадьбой грустить. А может, тебе свободы твоей жалко?

Редькин. Не жалко. Забирай ее всю, на что она мне. Меня открытие тревожит. Вчера думал: вот пойду расскажу людям, и все — через год результат.

Мария. Конечно. Разве может быть по-другому?

Редькин. Выходит, что может... Ну, Бриз — это понятно, инфузория. Но директор!

Мария. Что — директор?

Редькин. Слова сказать не дал. Двадцать пять, говорит, на восемь и дальше много всякого — тебе неинтересно.

Мария. А кроме этого он чего-нибудь сказал?

Редькин. В Караганду послал, за швеллером.

Мария. А как же свадьба?

Редькин. Да не поеду я. Редактор не мне чета, а тоже не поехал.

Мария. Какой редактор?

Редькин. Да я потом в газету ходил. В заводскую.

Мария. А он что?

Редькин. Волюнтаризм, говорит.

Мария. А что это такое?

Редькин. А черт его знает.

Мария. Ты бы спросил.

Редькин. Да неудобно.

Мария. А то и брось.

Редькин. Чего бросить?

Мария. Да открытие.хлопоты одни. А никому оно, видать, не нужно.

Редькин. Чтоб я, Маша, этого больше никогда не слышал! Открытие мое людям необходимо. А что сегодня меня слушать не захотели, так я, хоть и простой человек, а понимаю. С Бризом ясное дело, на то он и Бриз. Директор дальше чем на месяц вперед не глядит — некогда ему. А редактор вроде нового станка у нас в цехе: какую ленту вставишь, то и делает. Чтоб открытие мое понять, ум нужен государственный!

Мария. Да где ж его взять-то?

Редькин. Знаю где.

Мария. Неужто пойдешь?

Редькин. А чего не пойти?

Мария. Боюсь я, Ваня...

Редькин. Что брошу?

Мария. Нет.

Редькин. А чего?

Мария. Сама не знаю. Боюсь, и все.

Редькин. Ну, бойся. На то ты и баба.

Мария. Ваня...

Редькин. Чего?

Мария. Скорей бы свадьба, что ли...

Редькин. Скоро уже. Завтра отец с матерью из деревни приедут, так ты нарядись.

Мария. А чего надеть?

Редькин. Да так, чего-нибудь. Они люди простые, без потребностей... Маша, а ты про детей не передумала?

Мария. А чего тут думать? Мне не думать, а рожать положено. Но после свадьбы.

Редькин. А сейчас нельзя?

Мария. Что-то вроде как холодом с речки потянуло... Домой мне пора.

Редькин. Пора так пора.

Скрываются в палисаднике.

Появляется Несун с огромным ящиком на спине. Качаясь, доходит он до скамейки и, сбросив ящик, садится.

Несун. А еще говорят: своя ноша рук не тянет. Наврали.

Редькин (возвращается). Кто тут?

Несун. А ты кто?

Редькин. Я Редькин.

Несун. Слышь, Редькин, помоги до дома дотащить.

Редькин. А что это?

Несун. Да так: гвозди, шурупы — скобяной товар.

Редькин. А где же ты его взял в такой час? Магазины давно закрыты.

Несун. Ишь ты, магазины. Зачем мне магазины, когда я сам на скобяной фабрике работаю? Со второй смены иду.

Редькин. Украл, значит?

Несун. Не украл, унес.

Редькин. Не вижу разницы.

Несун. Разница большая. Украл — это вот сколько. Грузовик или вагон. А это... Смешно даже. Это — унес. По-другому и сказать нельзя.

Редькин. Неужто через проходную?

Несун. Нет, через забор. Мы порядки знаем.

Редькин. Такой ящик через забор?

Несун. А я тренированный. Каждый день ношу.

Редькин. Каждый день? По столько?

Несун. Когда больше, когда меньше — по-всякому.

Редькин. И тебя ни разу не поймали?

Несун. Когда ловят, мы с утра знаем. В этот день не несем.

Редькин. Куда тебе столько гвоздей?

Несун. Куда, куда — в хозяйство. Я на этой фабрике недавно работаю. Раньше-то я на мебельной был. Сам понимаешь, в один день — дверцу, в другой — крышечку, в третий — полочку... За три года квартиру оставил — пройти негде. Потом в типографию пошел. Сейчас без книг, сам знаешь, труба. Соседям в глаза смотреть стыдно. Ну, собрал я библиотеку: две тыщи томов, один к одному — все в переплете. Жена моя тем временем на хрустальном заводе вкалывала. Так что с посудой у нас тоже полный порядок — выпить, закусить есть из чего. И тут встал главный вопрос: куда это все девать. Устроился я тогда на лесоторговый склад. По досточке, по бревнышку — набралось на дачу. Теперь вот строюсь.

Редькин. И не стыдно тебе? Совесть твоя где?

Несун. Ты меня не стыди. Ты лучше скажи: у нас все народное или чье?

Редькин. Ну, народное.

Несун. А кто я, по-твоему?.. То-то, народ. Выходит, что я сам у себя беру и от меня к себе несун.

Редькин. Паразит ты, а не народ!

Несун. Ты меня не оскорбляй. Я, может, и сам уже не рад. А бросить не могу — привык. В характер вошло. В день, когда ловят и унести ничего нельзя, я прямо больной делаюсь. К концу смены найду тихий уголок, кепку свою на землю брошу, по сторонам посмотрю, не следит ли кто, хватить ее и ходу! На вахте с ног до головы обыщут — нет ничего. Знают, что несун. Не тот я человек, чтобы пустым идти, а найти не могут. Мне начальник охраны литр ставил, чтоб я секрет открыл. Вот ему, а не секрет.

Редькин. Ну, хорошо, построишь дачу. Дальше что?

Несун. Не решил еще. Может, на Алдан махну — золотишко мыть. А может, сторожем устроюсь в Третьяковскую галерею.

Редькин. Бросил бы ты, пока не поздно.

Несун. Говорят тебе, нельзя. Натура такая. У ме-

ня приятель на заводе работает, там изоляторы делают для высоковольтных передач. Спроси, кому они нужны, эти изоляторы? А он все равно несет. У него дома пол, стены, потолок — все в изоляторах. Как на электростанции.

Редькин. Ладно, скажи мне тогда вот что. Если наступит вдруг изобилие: всего полным-полно — и книг, и хрусталя. Даже золота. Что тогда делать будешь?

Несун (*подумав*). Никогда оно не наступит.

Редькин. Почему?

Несун. Растащут.

Редькин. Уж не ты ли?

Несун. В одиночку мне с изобилием не справиться. Но если теща, да жена, да сынишка и племянник из Саратова помогут — тогда растащим.

Редькин (*извлекает из кармана повязку дружинника*). Ты уж не взыщи, но я тебя в милицию сдать обязан.

Несун. Вместе с ящиком?

Редькин. Конечно. Это же вещественное доказательство.

Несун. Ничего не выйдет.

Редькин. Это почему?

Несун. Я его в милицию не понесу, а ты не поднимешь.

Редькин. Врешь, подниму! (*Пробует поднять ящик, но у него ничего не выходит.*) Ладно, пошли без ящика.

Несун. Ты что? Я свой ящик не брошу.

Редькин. Что с ним сделается? Пусть лежит.

Несун. Унесут.

Редькин. Так положи на скамейку.

Несун. Ненадежно. Это твой палисадник?

Редькин. Нет, мой вот.

Несун. Тогда проще простого. Давай его в кустах спрячем, там никто не найдет

Редькин. Ладно, прячь.

Несун (*прячет ящик*). Готово.

Редькин. А теперь пошли в милицию.

Несун. Эх, редиска ты, Редькин. Я тебе доверился, душу открыл, а ты...

Редькин. Сильно ты вредный для нашего дела.

Уходят.

Скамейку и палисадники закрывает стена с маленьким зарешечен-

ным окном. У стены с двух сторон деревянные нары. На правых лежит Пьяница. В камеру вталкивают Редькина.

Редькин. Выпустите меня! Это ошибка! Это не я! Это он!

Слышен голос Милиционера: «Поговори у меня!»

Пьяница. Ты, парень, хлеборезку прикрой, не на собрании. У них тут строго.

Редькин. Да не виноват я!

Пьяница. А я виноват? Нет. Но сижу. И главное, никого не беспокою.

Редькин. Нет, ты представь, какой гад! Всю дорогу шел спокойно, а в дверях схватил меня за руку и давай кричать: «Держите вора!»

Пьяница. А ты чего попер?

Редькин. Да не я попер — он.

Пьяница. Это ты начальнику завтра нарисуешь. А мне мозги не пудри. Так чего?

Редькин. Говорят тебе, не я!

Пьяница. Ты первый раз?

Редькин. Первый.

Пьяница. Оно и видно. Ты завтра у начальника не упорствуй. Разозлишь — он тебе впаяет на полную катушку.

Редькин. Посадит?

Пьяница. Ты что, неграмотный? Сажает не он. Он следствие назначит, потом суд, и на химию.

Редькин. Как — на химию?

Пьяница. Ну, это говорят так. А по науке: два года принудработ с удержанием. А принудработа, она, сам понимаешь, не в конторе груши околачивать, а где потруднее: химия или кирпичный завод.

Редькин. Что же мне делать?

Пьяница. А ничего. Посадили — значит, сиди. И главное, не шуми. Потому как они хоть и милиция, а тоже любят, когда по-человечески.

Редькин. Обидно мне очень. Я как лучше хотел, чтоб по справедливости.

Пьяница. Опять за свое! Когда к начальнику завтра вызовут, ты прямо с порога: виноват, по пьянке я!

Редькин. Не пью я.

Пьяница. Больной, что ли?

Редькин. Нет, здоровый. С детства не приучен.

Пьяница. Это хорошо. А мне батя, бывало, на-

льет стопарик. Пей, говорит, Коля,— Николай меня звать. Пей, говорит, Коля, большой ты уже. В сентябре в школу пойдешь, там с этим строго. Про что это я?

Редькин. Про начальника.

Пьяница. Значит, прямо с порога в грудь кулаком и «виноват!»

Редькин. А потом?

Пьяница. Потом все зависит от того, откуда и чего ты попер.

Редькин. Да не я попер.

Пьяница. Слушай, я сейчас обижусь. Вали на свою химию.

Редькин. Ладно. Ящик я попер. Со скобяной фабрики.

Пьяница. Пустой?

Редькин. Полный.

Пьяница. С чем?

Редькин. Да так, железки всякие: гвозди, шурупы, петли.

Пьяница. Продавать или строишься?

Редькин. Дачу я строю.

Пьяница. Дачу? Гляди, хмырь какой. А по роже не подумаешь. В общем, начальнику завтра скажешь, что строишься, а гвоздей в магазине нет. И что никогда больше не будешь.

Редькин. Строиться?

Пьяница. Ящики таскать.

Редькин. Если я строюсь, а гвоздей в магазине нет, кто ж мне поверит?

Пьяница. Обязаны поверить. Потому что ты первый раз.

Редькин. Так ведь целый ящик!

Пьяница. Подумаешь, ящик. Главное, что в первый раз.

Редькин. Значит, отпустят?

Пьяница. Бумагу на фабрику пошлют, чтобы тебя на поруки взяли.

Редькин. Ну я и влип!

Пьяница. Да ты не переживай. Чего нам, работягам, бояться?

Редькин. А тебя за что?

Пьяница. Да ни за что.

Редькин. Я понимаю, а все-таки?

Пьяница. Пустяковое дело: в трамвае заснул.

Редькин. Неужто за это? Обычно будят.

Пьяница. Очень крепко спал. Дело так было. Взяли мы с ребятами после смены по ноль-восемь «Кавказа», а я с утра не жравши, вот и заснул. Просыпаюсь — темно. Думаю, где я? А соображаю плохо. И тут вроде как вспомнил: это ж меня ребята в подсобку положили проспаться, чтоб начальству глаза не мозолил. Встал я, пошел на ощупь. Одна дверь, другая... Вижу: станки. Значит, в цех пришел. А за окном черным-черно. Думаю, когда ж это гад Кузьмич, Кузьмич — это мастер наш, когда ж это он меня в третью смену поставил? Но думай не думай — поставил, значит, надо работать. Взял я сварочный аппарат, сварщик я, заготовки рядом лежат — и давай варить. Варю и варю — дело нехитрое. А сам все думаю: чего это я один работаю? Собрание у них, что ли? Где все? А тут вбегают два мильтона и один в штатском и кричат: «Руки вверх! Сдавайтесь!» Это, значит, трамвай в депо меня завез, и я в ихних мастерских два часа вкалывал... А потом сторож в окне искры увидел и милицию вызвал. Думал, кто сейф автогенном режет.

Редькин. И как ты теперь докажешь?

Пьяница. Ерунда. Они же видели, что не сейф.

Редькин. А чего не отпустили?

Пьяница. Если б я деповский был, другое дело. А так сторож меня не знает, документов никаких — меня и привезли. Утром начальник придет — разберется.

Редькин. Ты давай прямо с порога: виноват, мол, заснул!

Пьяница. Мне это без надобности.

Редькин. Почему?

Пьяница. А меня начальник знает. Мы с ним часто встречаемся.

Редькин. Соседи?

Пьяница. Ну, ты даешь! Здесь мы встречаемся. Он завтра, как меня увидит, даже в протокол не заглянет, только и спросит: штраф или пятнадцать суток? А мне что, три червонца жаль? Зарботки у нас хорошие.

Редькин. И часто ты?

Пьяница. Когда как. По погоде.

Редькин. Слушай, Николай, а зачем ты вообще пьешь?

Пьяница. Зачем? Спроси ты у меня сегодня вечером, когда я в трамвай садился, ничего б я тебе не ответил. А сейчас отвечу. Я это после депо понял. Что же это, думаю, такое? Двадцать лет варю я на своем

заводе железки и вот случайно на чужое место сел. Сел и не догадался, что оно не мое. Все такое же. И аппарат такой же, и железки. А если, к примеру, деповский сварщик вдруг на мое место сядет, заметит кто или нет? Ну, скажем, ребята заметят, Кузьмич. Но вечером выпьют вместе, поговорят о том о сем, и вот уже никто меня не помнит. Вот оно что получается. И значит, жизнь моя проходит зря. Зачем меня мать рожала — мучилась? Чтоб я железки одну к другой приваривал? Так это каждый сможет.

Р е д ь к и н. Ты это зря, Николай. Сварщиком тоже не всякий сумеет. Работа уважаемая.

П ь я н и ц а. Да не в этом дело. Ты глубже бери!

Р е д ь к и н. Философ ты, Николай. Ты в сварщики случайно попал, потому и мучаешься. Но ты не горюй. Я открытие сделал. Такое открытие! Если его внедрить, то через год наступит полное изобилие. И тогда каждый станет заниматься тем делом, к которому он лучше всего приспособлен. Крестьянин — землю пахать, токарь — детали точить, а ты учиться пойдешь на философа.

П ь я н и ц а. Изобилие, говоришь? Интересно, какое оно? Как хоть выглядит?

Р е д ь к и н. Одно слово — изобилие. Селитры, швеллера любых номеров — завались. В магазин зайдешь, а там все, что человеку нужно. А если чего случайно нет, то скажи только, и через полчаса тебе это домой привезут.

П ь я н и ц а. Домой — это хорошо. А с каких часов будет продаваться водка?

Р е д ь к и н. Водка? Про водку я не думал. Скорее всего ее вообще не будет.

П ь я н и ц а. Не будет?! А чем в твоём изобилии рабочий человек по утрам опохмеляться будет? Кефиром? Скажи спасибо, что ты не к уголовникам попал. Они б тебя враз!

Р е д ь к и н. Я тоже рабочий человек, но мне не надо опохмеляться.

П ь я н и ц а. Какой ты рабочий! Несун — вот ты кто. Ладно, спи. Завтра вставать рано. Тут зря никого держать не станут.

Свет погас, и они уснули. А когда рассвело, ни нар, ни стены с решетчатым окном на сцене уже не было. А была знакомая улица со скамейками и палисадниками. Шум подъезжающей машины. М и л и ц и о н е р вводит Р е д ь к и н а.

Милиционер. Давай садись. В ногах правды нет.

Редькин. Сержант, как думаешь, что теперь будет?

Милиционер. Эксперимент будет. Сейчас следователь придет, и проведем.

Редькин. Меня посадят?

Милиционер. Скорее всего. Ты начальника разозлил.

Редькин. Нельзя меня сажать.

Милиционер. Почему? Посадить кого хочешь можно. Было б за что.

Редькин. А меня нельзя. Потому что я сделал открытие. Если его внедрить, то больше никогда не будет никаких преступлений, потому что наступит изобилие, и воровать будет незачем. Но если меня посадят... Ты про Ползунова слышал? Как умер, так машина его и развалилась.

Милиционер. Ползунов — изобретатель, согласен. А ты — несун.

Редькин. Неправда! Я даже больше чем изобретатель.

Милиционер. А у нас куда ни кинь — все изобретатели. В каждой камере профессор. Иной раз такого наизобретает — к уголовному кодексу статьи добавлять приходится.

Вокруг постепенно собирается народ.

Третья баба. Чего случилось-то?

Первая баба. Говорят, дом ограбить хотел. Уже в узлы все повязал, а тут милиция. За ним давно следили.

Вторая баба. А я слышала, он жену топором зарубил. Пришел под вечер, дай, говорит, два рубля. А она говорит: нету. И не дала. А он ее топором и в сундук. А сундук в кусты схоронил. Его собака выдала. Подошла к сундуку и воет, и воет...

Третья баба. Всегда я все последняя узнаю!

Шум подъехавшей машины. Входят Следователь в форме капитана милиции и Несун.

Несун. Тут, товарищ следователь, все и было. Иду я со второй смены, гляжу, несет. Думаю, откуда ж ты, подлец, в такое время ящик несешь? Если магазины все закрыты...

Редькин. Во, дает! Мои это слова. Я так говорил!

Милиционер. Задержанный, тихо! Дадут последнее слово, тогда и поговоришь.

Несун. Гляжу, до палисадника дошел и в кусты его...

Мария *(вбегает)*. Ваня!

Милиционер. Стой! Не положено.

Мария. Да что ж это такое! Не виноват он! Свадьба у нас!

Следователь. Буровков! Я так работать не могу.

Милиционер. Граждане, попрошу! Не мешайте проводить эксперимент.

Следователь. Продолжайте.

Несун. Ну, я ему: стой, что несешь? А он бежать. Я его схватил и к вам. Дружинником прикинулся, воюга!

Мария. Не было этого! Не мог Редькин ничего нести.

Милиционер. Гражданка невеста, попрошу!

Следователь. Принесите ящик.

Милиционер. Чего стоишь? Неси.

Редькин. Не могу.

Милиционер. Это почему?

Редькин. Тяжелый он.

Милиционер. Ишь ты! С фабрики не тяжелый, а из кустов тяжелый. Неси!

Редькин *(пытается поднять ящик)*. Честно, не могу.

Следователь. Буровков!

Милиционер. Есть, товарищ капитан! *(Пытается поднять ящик.)* Свинец там, что ли?

Следователь. Эх, Буровков, а еще спортсмен... Ну, неужто на Руси богатыри перевелись?

Несун. Не перевелись! Я сейчас... *(Подходит к ящику и ловким движением взваливает его на спину.)* Куда нести?

Следователь. Вон там фургончик наш стоит, видите? Прямо туда.

Оба уходят. Слышен голос Следователя: «Подальше, подальше его...» Потом стук железной двери и глухой голос Несуна: «Выпустите меня, я свидетель!»

(Входя.) Был свидетель, а стал задержанный. А вы, товарищ Редькин, наоборот. Извините за причиненное

беспокойство. Из города прошу не выезжать, на днях пригласим вас для дачи показаний. Он у меня давно на подозрении, да все улики не было. Расходитесь, граждане, кина не будет. Буровков, за мной.

Уходят.

Шум отъезжающих машин.

Мария (бросается к Редькину). Ваня!

Редькин. Ну, чего? Разобрались... Я и не сомневался.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На сцене декорация начала первого действия. Только кусты и забор поменялись местами, в результате чего мы оказались во дворе дома Редькина. Под липой накрытый стол. На столе самовар, а за столом родители Редькина, он сам и Мария. Марии в этой сцене разговаривать не положено — она разливает чай.

Прасковья Андреевна. Нешто сейчас родителей спрашивают? Всяк по-своему живет.

Петр Филимонович. Правильно, Ваня, надумал. Чего тянуть? У старших братьев детишки уж бегают. И тебе пора. А Мария — девка правильная. Не городская какая-нибудь финтифлюшка.

Прасковья Андреевна. Смотри, не захвали раньше времени.

Петр Филимонович. А чего? Ее сразу видать — наша.

Редькин. Как, отец, в деревне дела?

Петр Филимонович. А чего — дела? Дела, Ваня, как сажа бела. После сева ни одного дождя. Семена бы вернуть.

Редькин. А вы бы кукурузу посеяли — она солнце любит.

Петр Филимонович. Ишь ты, кукурузу! Кукурузу мы в прошлом году сеяли. Как соседи в позапрошлом взяли сто центнеров с гектара, так и мы посеяли.

Редькин. Ну и как?

Петр Филимонович. А то не помнишь. Холода и дожди залили. Вот такая не выросла.

Редькин. С дождями что сделаешь? Пошли — значит, пошли.

Петр Филимонович. Оно, когда и погода, тоже не лучше.

Редькин. Да неужто?

Петр Филимонович. Третьего года пшеница уродилась. Аж из Бельгии смотреть приезжали.

Редькин. А чего из Бельгии?

Петр Филимонович. Да они в своей Бельгии отродясь такой пшеницы не видали.

Редькин. И по скольку вы тогда центнеров взяли?

Петр Филимонович. Как все, так и мы. По четырнадцать.

Редькин. По четырнадцать? Куда ж она делась?

Петр Филимонович. Известное дело, куда. Осыпалась.

Редькин. Что ж вы не убирали?

Петр Филимонович. Как не убирать? Убирали. За двадцать дней уложились.

Редькин. Двадцать, отец, очень много.

Петр Филимонович. Знаю, что много. Ипатовцы за десять укладываются. Так на то они маяки, герои! Им запчасти чуть ли не в поле привозят. А мы комбайн из «Сельхозтехники» получим после ремонта — блестит как новый. Ну, а как хлеб убирать — хорошо, если полный день проработает. То то поломалось, то это. Одна надежда на Петьку Селиванова.

Редькин. Это который Аграфены Кондратьевны сын?

Петр Филимонович. Нет, тот завербовался. В Сибирь уехал. А этот — Евдокии Ивановны. На околице дом ихний.

Редькин. А, этот. И что же он?

Петр Филимонович. У Петьки нашего не голова, а дом советов. Он из новых комбайнов детали лишние вынимает. Чтоб не мешали, значит.

Редькин. Да неужто есть такие детали?

Петр Филимонович. Из иного комбайна до двух дюжин вынимает.

Редькин. Как же он после этого работает?

Петр Филимонович. Еще как работает! После Петьки он целую неделю работает, а то и дольше. Пока, стало быть, незаменимая деталь не сломается. Тут уж Петька бессилен. Вот так-то. А ты говоришь, почему за двадцать.

Редькин. Неужели, отец, выхода никакого нет?

Петр Филимонович. Этого я тебе сказать не могу — не учен. А вот старики говорят: при Петре указ такой был, кто за шесть дней рожь не уберет, того бить плетью. Если не брешут, не поздоровилось бы нам при Петре-то...

Редькин. Нельзя сейчас плетью, отец, время другое. Сейчас все основано на сознательности.

Петр Филимонович. А кое-кого и выпороть не помешало б. (*Пьет чай.*) Хотя, оно и погоду наперед знать тоже было бы неплохо. Про это ничего не слыхал?

Редькин. Нет, не слыхал. Не дошла наука.

Петр Филимонович. Наука, может, и не дошла. А вот, рассказывают, на Урале человек живет: на солнце только посмотрит и на год вперед погоду говорит. Ураган на Кубе за три дня вперед предсказал. Наши вроде сначала телеграмму давать не хотели, не поверили... А потом подумали — и дали.

Редькин. Ну и как, был ураган?

Петр Филимонович. В точности, как он предсказал. Причем без жертв — потому как приготовились.

Редькин. Как же это он? Живет на Урале, а все знает.

Петр Филимонович. Говорят, он мог бы на всю страну предсказывать.

Редькин. А чего ж не предсказывает?

Петр Филимонович. Известное дело — ходу не дают. Потому как без диплома.

Редькин. Вот и мне, отец, не дают ходу. Зажимают.

Петр Филимонович. А тебя чего?

Редькин. Открытие я сделал. Как ровно через год достичь полного изобилия.

Петр Филимонович. Через год? Сдурел? Отодвинь лет на двадцать.

Редькин. Ты что, отец, зачем?

Петр Филимонович. Да и так из деревни половина народа убежала. А тогда и подавно никто не останется.

Редькин. Почему?

Петр Филимонович. Известное дело. Когда изобилие, в городе лучше.

Редькин. Нет, отец, все не так! Мое изобилие на труде основано. Чтобы каждый на своем месте работал не за деньги, а за совесть, чтобы каждый винтик в дело, каждое зернышко в закрома...

Прасковья Андреевна. Правильные слова говоришь, сынок, а на деле другое выходит.

Редькин. Как — другое? Ты про что?

Прасковья Андреевна. Соседи рассказывают, носишь ты.

Редькин. Да не я это! Разобрались ведь, отпустили!

Прасковья Андреевна. И хорошо, что отпустили. Ты, Ваня, помни, в роду у нас такого завода нет, чтобы ящиками. Если нужно что — насыпь в карман. Слова никто не скажет.

Редькин (*кричит*). Да не брал я ничего! Клевета это!

Петр Филимонович. Ты, сынок, не кричи. Мать дело говорит. Сейчас с этим строго. И свадьбу не дадут сыграть...

Однако свадьбу сыграть дали. Стол раздвинули, добавили стульев, Редькин надел черный костюм, Мария нацепила фату... И потянулись гости с поздравлениями и подарками. Первыми, пританцовывая и аккомпанируя себе на деревянных ложках, пришли бабы, с ходу затянув величальную «Виноград в саду цветет». Пришла Анята под руку с очень смуглым иностранцем. Пришли друзья Редькина: Василь Василич, Алексей и Передовик. Пришли Редактор с Бризом и Пьяница. Пришел Следователь в сопровождении сержанта Буровкова. Не было только Несуна, да Директор обещал зайти позже. Не успели гости занять свои места, как Редактор взял слово.

Редактор (*доставая бумажку*). Товарищи, мы собрались с вами в тот день, когда мужественный народ Сальвадора...

Пьяница. Какой Сальвадор? Свадьба это!

Редактор. Виноват. (*Достает другую бумажку.*) Товарищи, мы собрались с вами в тот самый момент, когда по вине американского империализма международная обстановка...

Пьяница. Кончай политзанятие!

Редактор. Виноват. (*Достает третью бумажку.*)

Все присутствующие знали, что если Редактор взял слово, то просто так его не отдаст, поэтому изловчился Пьяница и выхватил у него бумажку.

Как же это, товарищи?.. Ну, в общем, если кратко, то поздравляю вас с законным браком и желаю всемерно укрепить и поднять, а также расширить и углубить! Чтобы днем и ночью! И чтобы во все возрастающем объеме. (*Показывает.*)

Голоса. Устроим! Это Редькин может!

Редактор. Но чтобы без волюнтаризма — строго через девять месяцев! Ну, и напоследок неофициально... Это, как его...

Голоса. Горько! Горько!

Редактор. Правильно: горько!

Редькин и Мария целуются.

Пьяница (*быстро пьет*). Вот и без бумажки, а как хорошо сказал.

Бриз. А я, товарнищи, поднимаю тост за родителей жениха, простых русских крестьян, сумевших воспитать талантливого изобретателя Ваню Редькина. Я вижу в нем второго Михайлу Ломоносова. Скорее! Запрягайте, хлопцы коней! Сажайте Редькина в сани и везите его куда подальше, с глаз моих долой. В Москву его! Пусть там изобретает. Горько! Горько!

Редькин и Мария целуются, а гости, неверно истолковав слова Бриза, затягивают «Запрягайте, хлопцы, коней». Стремительно входит Директор. Песня разом обрывается.

Директор. Редькин? Ты почему не в Караганде? Мария (*заслоня его телом*). Свадьба у него!

Директор. Свадьба? А, ну да, свадьба. На свадьбу и шел. Поздравляю. Но завтра чуть свет в Караганду. Душу выну! А привезешь швеллер — будет тебе, Редькин, квартира в новом доме. У меня все. Горько! Коловорот-твою-двадцать-пять-на-восемь!

Женщины визжат, а Редькин и Мария целуются. Молодежь выходит из-за стола, и начинаются частушки. В самый разгар веселья появляется Японец и знаками, почтительно кланяясь, подзывает к себе Редькина.

Японец. Сэнсэй Редькин? Я есть представитель японский капитал. Япония очень много говорить о вас открытие. Мы вас предлагать ехать к нас и там свой открытие внедрять. Японец очень любит труд. Японец ницево не иметь, лицензий скупать, всех побездать.

Редькин. Чего мне в вашей Японии делать?

Японец. Ницево не делать. Делать будить японец. А у тебя все будить. Цысы японский будить. Магнитофон «Сони» будить. Масына «Дацун» будить. Дом будить — в окно Фудзияма видно будить.

Редькин. Японский бог! На что мне твоя Фудзияма?

Японец. Японский бог будить. Гейса будить. (*Хлопает в ладоши.*)

Появляется Гейша в роскошном кимоно, кланяется и под аккомпанемент магнитофона исполняет танец с веером. А закончив, кланяется Редькину и многообещающе говорит.

Гейша. Кокоро.

Гости аплодируют. Появляется немец из ФРГ, правда, не совсем немец, а Эмигрант в третьем поколении.

Эмигрант (*заметив японца*). Подлец, уже здесь! Вы его, господин Редькин, не слушайте. На кой хрен вам эта Япония? Там каждый день землетрясения. Эта Япония не сегодня-завтра провалится к чертовой матери! Вы не удивляйтесь, что я так запросто по-русски. У меня предки эмигранты. Вы к нам в Гамбург поезжайте. Там только и разговоров, что о вашем открытии. Крупп, Маннесман, Фольксваген, Мессершмитт — все поголовно вас ждут. Самые выгодные условия. «Грюндик», «Мерседес» — это все в рабочем порядке. Главное перспектива. Европейский масштаб!

Редькин. Не с руки мне с Мессершмиттом...

Эмигрант. Вы еще не все знаете. А у меня для вас сюрприз. Из Дюссельдорфа! (*Говорит несколько слов по-немецки в карманный передатчик.*)

Появляется Сюрприз из Дюссельдорфа — звезда тамошнего стриптиза. Она посылает Редькину воздушный поцелуй и говорит почему-то по-английски.

Сюрприз из Дюссельдорфа. Май лаф...

Из магнитофона льется что-то щемяще эмигрантское, и звезда начинает свой коронный номер... И вот, когда, к ужасу собравшихся, на звезде осталось всего ничего и сердце Редькина уже готово было дрогнуть, почувствовала это Мария. Хлопнула в ладоши, повела плечом, прошлась по кругу... И заходила свадьба в стремительной пляске. Затерялись в ней и Японец, и Эмигрант, только видели, как разговаривали они то с темнокожим другом Анюты, то с ней самой. Но о чем разговаривали, понять было нельзя. На то она и свадьба... Все свадьбы рано или поздно кончаются. Кончилась и эта. И остались Редькин и Мария вдвоем.

Мария. Ваня...

Редькин. Чего?

Мария. Я такая счастливая...

Редькин. И я счастливый. Видала, иностранцы — один за другим. Чего только не сулили. Значит, открытие мое очень важное.

Мария. Не украли бы...

Редькин. Не украдут. Я им ни слова не сказал. А, кроме тебя, никто его в подробности не знает. Ты же не проговоришься.

Мария. Ваня, кажется, я того, проговорилась. Не знала я, что иностранцы...

Редькин. Кому?

Мария. Анюте.

Редькин. Анюте — ладно. Своя.

Мария. Ваня, а про квартиру он не соврал?

Редькин. При всех сказал. Не отвертится.

Мария. А то и поезжай.

Редькин. Куда? К японцу или в Гамбург?

Мария. Да ну тебя! В Караганду. Может, швеллер дадут. Прямо завтра и поезжай.

Редькин. Завтра не могу. Завтра туда иду. Нельзя больше откладывать. И так сколько времени потерял. Внедрять пора.

Мария. Ты там поосторожнее...

Редькин. А чего мне бояться?

Мария. Не один ты теперь.

Редькин. Не бойсь, не съедят.

Мария. Ваня...

Редькин. Чего еще?

Мария. А ты про детей забыл, что ли?

Редькин. Забыл. Спасибо, напомнила...

Свет гаснет. А когда он зажжется, мы окажемся в кабинете Павла Сергеевича.

Павел Сергеевич. Проходите, товарищ Редькин, присаживайтесь. *(В микрофон.)* Чаю нам.

И тотчас явился чай.

Ознакомились мы с вашим письмом. Очень интересное письмо.

Редькин. Внедрять будетс?

Павел Сергеевич. Извините за нескромный вопрос. Вы что закончили?

Редькин. Что и все — ПТУ.

Павел Сергеевич. ПТУ... Что ж, прекрасно. Нам нужны молодые, преданные нашим идеалам рабочие. У вас нагрузка какая?

Редькин. Стенгазета.

Павел Сергеевич. Стенгазету вы явно переросли. Надо вас куда-нибудь выдвинуть. Может, в райсовет...

Редькин. А если не справлюсь?

Павел Сергеевич. Товарищи помогут. Нам такие люди нужны.

Редькин. А как с открытием?

Павел Сергеевич. Товарищ Редькин, у вас семья есть?

Редькин. Жена есть.

Павел Сергеевич. С жильем как?

Редькин. Директор квартиру обещал, но с условием, что я из Караганды швеллер привезу.

Павел Сергеевич. Швеллер? Одну минуту. *(Снимает трубку.)* Караганду мне... Караганда? День добрый. У вас как со швеллером? *(Редькину.)* Сколько нужно?

Редькин. Два вагона.

Павел Сергеевич. Четыре вагона.

Редькин. Четыре много.

Павел Сергеевич. Тсс.. Что? Только два? Ну ладно, и на том спасибо. Когда отгрузите?.. Понял. Я в долгу. Если что — звоните. Всего доброго. *(Кладет трубку.)* Завтра отгрузят.

Редькин. Павел Сергеевич! Да я... я...

Павел Сергеевич. Пустяки, Редькин, пустяки. Нам такие, как ты, нужны.

Редькин. А все-таки как с открытием?

Павел Сергеевич *(добродушно усмехаясь)*. Ах, Редькин, Редькин! Ты кем работаешь?

Редькин. Слесарем.

Павел Сергеевич. Хорошо работаешь?

Редькин. Да вроде хорошо. Грамоту дали.

Павел Сергеевич. Нет, Редькин, плохо ты работаешь.

Редькин. Почему?

Павел Сергеевич. Потому что у тебя после работы силы остаются открытия делать. Лично я к концу дня так уматываюсь — не то что открытие, мысли ни одной в голове не остается.

Редькин. Пожилой вы. А у меня на все сил хватает.

Павел Сергеевич. А мы тебя, Редькин, в ревизионную комиссию введем. Там ты и успокоишься.

Редькин. Не успокоюсь я, пока открытие свое до людей не доведу.

Павел Сергеевич. Сколько с тобой, Редькин, хлопот. Ты кому про открытие говорил?

Редькин. Многим говорил.

Павел Сергеевич. Так, так. Сигнал подтверждается.

Редькин. Какой сигнал?

Павел Сергеевич. Что ты слухи ложные распускаешь. Будто скоро денежная реформа. В магазинах с солью перебой. А все ты.

Редькин. Не я! То есть я, но говорил я совсем другое. Это бабы.

Павел Сергеевич. Знаем, что бабы. Потому и не наказываем. А так за ложные слухи знаешь что бывает...

Редькин. Ни сном ни духом...

Павел Сергеевич. Оставим это. Что тебе на заводе сказали?

Редькин. Ничего путного. Бриз зажимает, директор — в Караганду, а редактор с империализмом борется и больше ничего делать не хочет.

Павел Сергеевич. Слишком широко ты, Редькин, замахнулся. Если тебя вовремя не остановить, ты такого натворишь...

Редькин. Кроме изобилия — ничего.

Павел Сергеевич. У вас в ПТУ политэкономия преподавали?

Редькин. Нет.

Павел Сергеевич. Оно и видно. Иначе знал бы ты, Редькин, что общество наше развивается неуклонно и планомерно. На десять лет вперед все, что надо делать, известно. А на дальнейшее дана перспектива. Ну, куда прикажешь девать тебя с твоим изобилием?

Редькин. Меня не девать, меня внедрять надо.

Павел Сергеевич. Нет, Редькин, не надо. Потому что открытие твоё преждевременное.

Редькин. Как — преждевременное? Если каждый винтик в дело, если все разом, то какое ж оно преждевременное?

Павел Сергеевич. А рабочие тебя поддержат?

Редькин. Как не поддержать, когда все это для них!

Павел Сергеевич. А ты с кем говорил?

Редькин. Пока ни с кем.

Павел Сергеевич. Так поговори. Поддержат — оформим новый почин. Не поддержат — значит, преждевременное. А напоследок скажу свое личное мнение: не обольщайся ты, Редькин. Открытие твоё интересное. Только открытий таких у нас — пруд пруди. Что ни человек, то открытие. Спроси любого — каждый знает, как надо все организовать, чтобы было изобилие. Придут на работу и давай спорить, чья система лучше. А на работе работать надо.

Редькин. Я и работаю.

Павел Сергеевич. Знаю, что работаешь. Сам

ту грамоту подписывал. Только этого, Редькин, мало. Надо, чтобы все так работали, все до единого! И тут никакие открытия не помогут. Тут людей воспитывать надо. И не словами, а личным примером. Вот и давай, если болеешь душой за общее дело, стань для людей примером. Попроси, чтобы тебе норму повысили, организуешь субботник по благоустройству территории. А главное, помни: в таком деле один в поле не воин. Найди себе соратников. Поговори с людьми.

Р е д ь к и н. Ладно, поговорю...

Павел Сергеевич. А в ревизионную комиссию мы тебя непременно введем!

С тем Редькин и ушел. И, не откладывая дела в долгий ящик, сразу после смены собрал в бытовке бригаду. Председательствовал бригадир Василь Василич.

Василь Василич. Слово для доклада имеет Редькин. Давай, Ваня, покороче, всем домой надо.

Р е д ь к и н. Ребята, как мы живем и работаем, я вам рассказывать не стану — сами все знаете. Днем и ночью думал я о том, как сделать нашу жизнь еще лучше. И придумал.

А л е к с е й. Ночью?

Р е д ь к и н. Чего — ночью?

А л е к с е й. Я спрашиваю, ночью придумал или днем?

Василь Василич. Алексей, я на собрании сексу твоего не потерплю!

Р е д ь к и н. Ночью. Но до свадьбы. Открытие мое, ребята, простое, как наш слесарный молоток. Если мы, рабочие люди, а за нами крестьяне и вся остальная интеллигенция каждый на своем месте станем работать не за деньги, а за совесть, если бросим пить, перекуривать, если каждый винтик в дело, каждое зернышко в закрома, если каждую минуту с пользой, если все разом... То не позднее чем через год наступит у нас то, ради чего все мы живем и трудимся.

А л е к с е й. Без перекуров, говоришь?

Василь Василич. Бродя не обижал никогда, как всем, так и ему.

А л е к с е й. Как же это, без перекуров? Ты чего это придумал? В начальники метишь?

Передовик. А если не за деньги, тогда за что? Сейчас, если я вкалываю за двоих, то и получаю за двоих. А если изобилие, значит, у каждого все есть. И у

того, кто вкалывает, и у того, кто сачкует. Неувязочка у тебя, Редькин.

Василь Василич. Ты, Ваня, если парядами недоволен, скажи. Нечего камснь за пазухой держать.

Редькин. Да я не против денег. Получай себе на здоровье. Но в моем изобилии ты на те же деньги столько всего купишь — все равно что за границу съездил.

Передовик. А мне ничего не надо. У меня все есть.

Алексей. Насчет перекуров, Ваня, ты больше нигде не заикайся. Мы свои — плюнем и забудем. А вот ребята из четвертой комплексной за такие слова могут и побить.

Редькин. Да вы что! Вы же ничего не поняли! Разве я против, чтобы отдохнуть, если устал? Я против перекуров по полдня, против прогулов по понедельникам, к которым все привыкли. Я за то, чтобы все, что ни поручат, делать на совесть, как для себя.

Передовик. Полдня — это не перекур, а простой. Если б мне заготовки подвозили бесперебойно, я бы, может, все двести пятьдесят процентов давал. Так что тут я «за». С простоями надо бороться.

Василь Василич. А с прогулами у нас, Ваня, сам знаешь, не хуже чем у других. Конечно, если б Алексея женить, был бы полный ажур. А пока холостой, что поделаешь? Но я на него не в обиде. Он хоть в понедельник и прогуляет, зато потом всю неделю ходит виноватый. И пашет за двоих.

Редькин. Значит, может он за двоих! И все мы можем. А нормы, по которым мы работаем, составлены с поправкой на разгильдяйство и бесхозяйственность.

Передовик. Ты куда это клонишь?

Редькин. А вот куда. С завтрашнего дня прошу повысить мне личную норму на двадцать пять процентов.

Передовик. Ого!

Редькин. И вас, товарищей своих, призываю сделать то же самое.

Передовик. С ума сошел? Это сколько ж я в расчет недополучу?

Редькин. Зачем тебе деньги? У тебя все есть. Ребята, поймите, никто нам изобилия на блюдечке не принесет. Оно трудом создается.

Алексей. А чего? Двадцать пять процентов — ерунда. Повышай и мне!

Василь Василич. Что скажешь, передовик?

Передовик. На двадцать пять! Озверели! На пятнадцать еще куда ни шло.

Алексей. Не мелочись!

Передовик. А, была не была, повышай! Только мне выписку из протокола дайте — жене показать.

Василь Василич. Ну, Редькин, доволен?

Редькин. Доволен. И потому прошу в ближайшую субботу с лопатами собраться у южных ворот, где пустырь.

Передовик. Недавно же субботник был.

Редькин. То был общенародный. А этот будет наш, бригадный. Будем приводить в порядок пустырь.

Алексей. Вчетвером — весь пустырь? Да ты что?

Редькин. Вчетвером мы начнем. А потом и другие присоединятся. И через год пустыря не будет, а будет большой цветущий сад.

Василь Василич. Ну ты, Редькин, даешь! Откуда что берется? Какие еще будут предложения?

Передовик. Если на то пошло, я тоже могу кое-что предложить. Пиши, Василич. Предлагаю включить в состав бригады Аллу Пугачеву и на заработанные ею деньги построить и запустить еще один спутник связи, чтобы свободные народы Африки могли смотреть передачи Центрального телевидения.

Алексей. Тогда и Кобзона включайте!

Василь Василич. Ребята, может, хватит.

Редькин. Для начала хватит. А там видно будет.

С тех пор прошел год. Заполнен он был ударной работой, суетой с саженцами, задушевыми разговорами с друзьями, криком Редькина-младшего и еще многим-многом другим. И, как бы не замечая всего этого, облетали с деревьев листья, падал снег, потом таял, летел тополиный пух, и по ночам свистали соловьи.

В один из летних вечеров мы снова оказались у знакомого палисадника. На скамейке сидит мрачный Редькин. Входит Пьяница.

Пьяница. Эх, Азия! Во всем районе ни одного автомата с газировкой.

Редькин. Тебе воды? Я принесу.

Пьяница. Воды! Вода не водка — много не выпьешь. стакан мне нужен. У тебя есть?

Редькин. Есть.

Пьяница. Так неси. *(И уже вдогонку уходящему Редькину.)* Себе тоже! Азия...

Редькин возвращается с двумя стаканами.

Р е д ь к и н. Держи. (*Приглядывается повнимательней.*) Слушай, а я тебя знаю. Ты Николай.

П ь я н и ц а. Откуда?

Р е д ь к и н. Мы с тобой в КПЗ сидели.

П ь я н и ц а. С кем я только не сидел! (*Разливает.*)
Поехали.

Р е д ь к и н. Я же не пью... А тогда отпустили меня.
Разобрались и отпустили.

П ь я н и ц а. А я что говорил? Кто в первый раз — того не сажают.

Р е д ь к и н. Нет, разобрались, что не я тот ящик попер.

П ь я н и ц а. Ты или не ты — какая разница...

Р е д ь к и н. А ты все по-прежнему?

П ь я н и ц а. Ты про что?

Р е д ь к и н. Про это. Не бросил?

П ь я н и ц а. По-прежнему. Живу, как бандероль.

Р е д ь к и н. Как это?

П ь я н и ц а. А так, будто послали меня сюда до востребования, а востребуют или нет — неизвестно... Ну, а ты? Как жизнь молодая?

Р е д ь к и н. Жизнь нормально. Сын родился. На пустыре сад с ребятами посадили — может, видел. С открытием хуже. Помнишь, я тебе про открытие говорил? Странное дело, никому оно оказалось не нужно. Вроде все всё понимают. Многие соглашаются и даже помогать готовы. А результата все нет.

П ь я н и ц а. Открытие, говоришь?.. Твоя как фамилия?

Р е д ь к и н. Редькин.

П ь я н и ц а. Где-то я ее недавно видел... Кажется, в газете. Только вот в какой?

Р е д ь к и н. В какой газете, что ты!

П ь я н и ц а. Нет, в газете... Куда я ее дел? Да вот же она! Я в нее кильку завернул. Вот здесь, слушай. (*Читает.*) «В Японии, в странах Общего рынка в последнее время до крайности обострились противоречия между трудом и капиталом. Крупные концерны, такие, как Мицубиси, Шелл, АГ-Фарбениндустри и другие, применив у себя так называемый эффект Редькина, добились увеличения производительности труда в двадцать один раз». Ну, признавайся, сколько с иностранцев за открытие слушил?

Р е д ь к и н. Это не я! Я им ни слова. Но кто?.. А, знаю — это Анюта!

Пьяница. И ящик не ты, и эффект продал не ты... Врешь ты все. Я тебя насквозь вижу, в КПЗ еще раскусил. Дурак я, надо было тебя на химию. Ну ладно, мне на это плевать. Пусть с тобой кто надо занимается... А стакан свой я заберу. Ты себе новый купишь, на доллары. *(Уходит.)*

Редькин *(кричит)*. Мария!

Мария *(выбегает)*. Что случилось?

Редькин. На, читай. Пятьдесят миллионов безработных! Твоих рук дело.

Мария. Ваня, не виновата я! Это у них общий кризис.

Редькин. Ты, Мария, свой длинный язык с общим кризисом не путай!

Уходят в дом. По авансцене проходят четверо: Павел Сергеевич с газетой в руках, за ним Директор, Бриз и Редактор.

Павел Сергеевич. Почему проглядели?

Директор. Виноват! Мобилизуем!

Павел Сергеевич. Почему не сигнализировали?

Редактор. Виноват, не было установки!

Павел Сергеевич. Почему зажимали?!

Бриз. Виноват! *(В сторону.)* Чтоб я за сто двадцать рублей еще и надрывался!

Павел Сергеевич. Ух, чтоб вас!!!

Все уходят. Забор и кусты тем временем поменялись местами, и мы снова во дворе дома Редькина.

Мария. Ой, Ваня, к нам на «Волге» кто-то, на черной!

Редькин. Встречай.

Входит Всехватский.

Всехватский. Всехватский. Действительный член.

Редькин. Член чего?

Всехватский. Всего. Академий, отделений, советов и комитетов. Если вдруг где-то что-то такое, то я непременно член. Иной раз еще и нет ничего, так, сгущается только, а я уже член.

Редькин. А при чем здесь я?

Всехватский. При том, что сгущается. Скажу больше: уже сгустились, и скоро грянет гром.

Редькин. Не понимаю.

Всехватский. И не надо. Тебе это ни к чему. Вот бумага. Пиши.

Редькин. Тут уже чего-то написано. Вот в углу: «Под руководством действительного члена Всехватского».

Всехватский. Это у меня бланк такой, чтобы время не терять. Потому что все в науке совершается под моим руководством.

Редькин. Как же вы успеваете?

Всехватский. На износ работаю. Пиши: заявка на открытие эффекта Всехватского-Редькина...

Редькин. Как — Всехватского? Почему?

Всехватский. Потому что просто «Редькина» писать нельзя.

Редькин. Это почему?

Всехватский. Не звучит.

Редькин. В Европе звучит, а у нас не звучит?

Всехватский. Согласен, в Европе звучит. Потому что ни в одном из европейских языков фамилия Редькин не имеет такого унижительного смысла, как в русском. Несерьезно это: открытие — и вдруг черненькое такое, с хвостиком.

Редькин. Я своей фамилии никогда не стыдился. У жены моей до свадьбы фамилия, может, вообще княжеская была.

Всехватский. Какая еще княжеская?

Редькин. Тараканова, вот какая. А теперь тоже Редькина. Взяла, не погнушалась.

Всехватский. Ты что кончал, Редькин?

Редькин (*гордо*). ПТУ номер восемь.

Всехватский. Не знаю, кто у вас там был ректором, но он не сказал вам главное: эффект Редькина будут рассматривать минимум десять лет, и еще не известно — примут или отклонят. Эффекту Всехватского...

Редькин. Уже без Редькина?

Всехватский. Ладно, я добрый. Эффекту Всехватского-Редькина тотчас откроют «зеленую улицу», и помчится он на всех парах прямо к Государственной премии. Ты, надеюсь, еще не лауреат?

Редькин. Нет.

Всехватский. Кто вас знает! А мне до премии как раз эффекта и не хватало. Но теперь обязательно дадут.

Редькин. Не дадут.

Всехватский. Всем дают, а мне не дадут? Почему?

Редькин. Потому что не буду я ничего подписывать.

Всехватский. Эх, Редькин, Редькин! Сам не понимаешь, что говоришь. Ну что ты знаешь о науке? Что? А это океан! Там такие акулы плавают: зубы — во! Съедят, и не заметишь... Ты что так смотришь?

Редькин. Думаю, кто ты есть?

Всехватский. Думай, думай. Только недолго.

Редькин. Уже знаю. Во-первых, никакой ты не член и даже не акула. А во-вторых, прилипала — вот ты кто. Присосался к кораблю науки, и везет он тебя, прохиндея, сам того не замечая. Забирай свой бланк и катись отсюда, пока цел!

Всехватский. Вспомнишь ты меня, Редькин! Горькими слезами будешь обливаться, на коленях будешь ползать, не дам я тебе хода. Загублю твоё открытие, сгною в инстанциях. Чего-чего, а это я умею.

Редькин. Пошел вон!

И исчез Всехватский, будто его и не было. А вместо него с барабанным боем вошли пионеры. Настал триумф Редькина. Первой это заметила Мария.

Мария. Ваня, да к нам целая делегация!

Редькин. Всех вон!

Но сказать такое было легче, чем сделать, очень уж внушительной оказалась делегация: Павел Сергеевич в окружении Директора, Редактора и Бриза, друзья Редькина, Анята с Негром, три Бабы — в общем, делегация. Павел Сергеевич взошел на импровизированную трибуну и начал так.

Павел Сергеевич. Товарищи! Я счастлив открыть торжественный митинг, посвященный чествованию талантливого русского изобретателя-самоучки Ивана Редькина. Открытый им эффект был с необычайным успехом внедрен в странах Западной Европы, а также в Японии. В Европе эффект Редькина ускорил и без того уже назревший кризис, в результате чего в Италии к власти наконец-то пришел блок левых сил, король Испании отрекся от престола, а Норвегия вышла из агрессивного блока НАТО.

Редькин. То в Европе! А у нас что?

Павел Сергеевич. Не шуми, это не все. За большие заслуги в области изобретательства президиум городского общества изобретателей постановил присвоить товарищу Редькину Ивану Петровичу звание «Трижды заслуженный изобретатель» с вручением ему

удостоверения и нагрудного знака. Подойди, Редькин...
(Вручает Редькину удостоверение и прикалывает знак.)

Аплодисменты.

Редькин. Спасибо, я очень тронут. Но я ничего не понимаю. Если мой эффект так сработал в Европе, почему мы его не внедряем?

Павел Сергеевич. Подожди, Редькин, ты нам мешаешь. Товарищи! Чтобы не собираться в другой раз, позвольте мне начать второй митинг, посвященный открытию дома-музея нашего земляка, гениального изобретателя Ивана Петровича Редькина.

Аплодисменты.

Редькин университетов не кончал, но его глубинная, поистине народная мудрость помогла ему сделать открытие, которое весь мир знает сегодня как «эффект Редькина».

Аплодисменты.

Слово предоставляется действительному члену товарищу Всехватскому.

Всехватский. Уважаемые товарищи! Дамы и господа! Мне посчастливилось жить и работать рядом с Иваном Петровичем. Наше открытие возникло не на пустом месте и не вдруг. Долгими бессонными ночами до хрипоты спорили мы с Редькиным, ища решения, оттачивая окончательную формулу. Она и сейчас еще далека от совершенства. Но я обещаю вам, что достойно завершу дело, начатое способным ученым и удивительным человеком Иваном Петровичем Редькиным.

Аплодисменты.

Павел Сергеевич. Слово предоставляется товарищу Буровкову. Прошу.

Милиционер. Я знаю Ваню вот с таких лет. Был он как все: лазил по чужим садам, но не с целью хищения, а так, из озорства. Два раза разбивал мячом стекла и даже постреливал из рогатки. В юности пошел он было по кривой дорожке, и начал носить. Но воспитательная работа, проведенная нашим отделением, помогла вернуть парня на правильный путь. И он даже сделал потом открытие. В общем, светлая память о Ване Редькине надолго сохранится в наших сердцах.

Аплодисменты. Женщины плачут.

Редькин. Товарищи! Да вы что? Я же не умер! Нельзя так о живом человеке.

Павел Сергеевич. Нет, Редькин, ты, конечно, еще живой, но уже не человек.

Редькин. А кто?

Павел Сергеевич. Ты, Редькин, живой экспонат. Сиди в своем музее, встречай делегации, пропагандируй свое открытие. На этом, товарищи, оба митинга объявляются закрытыми.

И все ушли. Остались только Редькин с Марией, Анюта, Негр и пионеры.

Анюта. А мы попрощаться пришли.

Редькин. Куда это вы?

Анюта. В Африку уезжаем.

Мария. Все-таки решилась?

Анюта. Решилась.

Мария. Ну что ж, если любовь...

Редькин. Ты, если там что не так, возвращайся.

Анюта. Спасибо, Ваня.

Редькин. А ты смотри, не обижай ее там, в Африке.

Негр. Карашо. Спасибо.

Они уходят, но опять Редькину нет покоя. Его окружают пионеры.

Пионер. Иван Петрович, мы, красные следопыты школы номер двенадцать, берем над вами шефство и просим вас во вторник на собрании дружины рассказать о том, как вы сделали свое открытие.

Редькин. А вам зачем?

Пионер. Это будет иметь огромное воспитательное значение.

Редькин. Тогда приду.

С барабанным боем пионеры уходят. Тишина.

Мария. Пойдем домой.

Редькин. Нельзя. Музей это.

Мария. Ой, а где ж мы теперь жить будем?

Редькин. Где — это не вопрос. Вопрос — как. Потому что так жить я больше не могу.

Мария. Ваня, что ты задумал?

Редькин. Пойми, Маша, разве мне знак этот нужен? Нет, ни званий, ни почестей мне не надо. Ты мою программу знаешь. И это не пустые слова. За мной народ пошел. Работать лучше стали, сад какой посадили! Только этого мало. Надо, чтобы все так — все до единого. А меня в музей хотят, под стекло, как мумию фараона. Нет, Маша, я, пока живой, за откры-

тие свое поборюсь! В Москву мне надо, в Москву!
(Убегает.)

Мария. А как же я?.. Говорила: прославится и бросит. (Бежит следом.)

Комната Редькина, превращенная в музей. Это значит, что к неумудренной обстановке добавились сверкающие стеклом витрины и стенды. Следом за экскурсоводом входит группа посетителей. В экскурсоводе нетрудно узнать слегка помятую жизнью, но зато одетую по последней моде Анюту. Посетители — это, в сущности, тоже известные нам герои пьесы, но здесь узнавание их зрителем не обязательно, а в случае Несуна, Бриза и т. п. даже нежелательно.

Анюта. Прошу сюда. Не отставайте, не отставайте! Осмотр экспозиции мы начинаем с комнаты, где прошла юность Ивана Петровича. Нетрудно заметить, что в быту Редькин отличался необыкновенной скромностью. Кровать, стол, несколько стульев — все простое, отечественное, телевизор «Рекорд» черно-белого изображения, полка с книгами: Пушкин, Лев Толстой, политическая литература. Представлен также годовой комплект журнала «Изобретатель и рационализатор» с пометками Ивана Петровича. На этом стенде вы можете видеть личные вещи Редькина: рабочую спецовку,менной молоток, подаренный ему товарищами на день машиностроителя, вымпел победителя соцсоревнования. Как известно, фотографироваться Редькин не любил, так что до нас дошли всего три его портрета: один в возрасте трех с половиной месяцев, один групповой, вместе с преподавателями и выпускниками восьмого ПТУ, и один семейный, во время бракосочетания. А теперь подойдите сюда. На имя Редькина поступило и продолжает поступать множество писем от трудящихся со всех уголков нашей необъятной Родины. Здесь выставлена лишь небольшая их часть. Вот письмо от шахтеров Кузбасса, это от металлургов Запорожья, от эленеводов Чукотки, письма из Мелитополя, Вологды, Саратова...

Первая посетительница. Скажите, а как сложилась дальнейшая судьба Редькина? Где он сейчас, чем занимается?

Анюта. Видите ли, вопрос ваш не простой, и вот так, сразу на него не ответишь. Но могу вас обрадовать: в настоящее время в нашем музее готовится новая экспозиция, посвященная зрелым годам жизни Ивана Петровича Редькина. Приезжайте месяца через два-три и все узнаете. А сейчас, товарищи, небольшое объ-

явление: ровно через десять минут в кинозале музея состоится демонстрация цветного научно-популярного фильма «Эффект Редькина». Прошу не опаздывать. (Уходит.)

Первый посетитель. Нашли кого спрашивать. Она же как попугай изо дня в день одно и то же повторяет и ничем больше не интересуется. Вы меня спросите, так я вам сразу скажу, где Редькин и кто он.

Все. Кто? Где? Расскажите!

Первый посетитель. Про КАТЭК слышали? Второй БАМ! Так вот Редькин там работает. Бригадиром лесорубов.

Вторая посетительница. Да что вы такое говорите? Чтоб человек с такой головой и лесорубом? Быть того не может. Если уж он на КАТЭК поехал, так непременно начальником.

Второй посетитель. Вы, женщина, правильно говорите. Только не в Канске он, а в Южно-Сахалинске. Руководит рыболовецким колхозом. И представьте: все как обещал. В прошлом году восемь миллионов чистой прибыли.

Третий посетитель. Вас послушать, так вы Редькина как будто вчера видели. А он, к вашему сведению, после службы в армии без экзаменов был зачислен в академию, окончил ее и теперь служит на южной границе.

Четвертый посетитель. Я вас, товарищ капитан, понимаю. Сам пограничник, вот и Редькина в погранвойска записал. А Редькин — летчик. Долгое время служил в полярной авиации, а недавно зачислен в отряд космонавтов и готовится к полету на Марс.

Третий посетитель. На Марс! Да откуда вы знаете?

Четвертый посетитель. Знаю. А откуда, сказать не могу.

Пятый посетитель. Что ему на вашем Марсе делать? Редькин известный ученый-экономист, директор крупного института.

Третья посетительница. Архитектор он!

Шестой посетитель. Да нет же, врач он, хирург.

Седьмой посетитель. Тренер он, по хоккею с шайбой, неужто не слышали?

Четвертая посетительница. Нет, следовательно. По особо важным делам.

Пятая посетительница. Еще скажите: пожарный. Диктор он на Центральном телевидении. Вы же его каждый день видите.

Четвертая посетительница. Что-то я диктора с такой фамилией не припомню.

Пятая посетительница. А он псевдоним взял.

Все. Какой?

Пятая посетительница. Да вы на фотографию взгляните... Ну, узнаете?

Восьмой посетитель. Ни на кого он вроде не похож. Нет такого диктора. А вот на Вахтанга Кикабидзе похож. Неужели он?

Пятая посетительница. Вы куда смотрите? Это же Редькин из журнала портрет Кикабидзе вырезал. А сам он вот...

Шестая посетительница. Смотри не смотри, а не может Редькин диктором быть.

Пятая посетительница. Это почему?

Шестая посетительница. А потому. Я, конечно, сама ничего такого не слушаю, но одна женщина в автобусе говорила другой, что ее двоюродная племянница собственными ушами слышала, что Редькин уехал по обмену опытом и не вернулся.

Все (с возмущением). Да вы что! Что вы такое говорите! Не может этого быть! Чушь!

Шестая посетительница. А еще она интервью с ним слышала. Будто говорил он...

Входит Павел Сергеевич.

Павел Сергеевич. Вы опять?

Шестая посетительница. А что я? Что я?

Павел Сергеевич. Слухи вредные распускаете. Как вам такое говорить не совестно? И вам, товарищи, стыдно. Вместо того чтобы смотреть полезный фильм, вы тут стоите и слушаете бредни всякие. Лучше бы газету читали.

Все. Мы читаем.

Павел Сергеевич. Читают они. Вот смотрите. В сегодняшней газете помещен очерк об Иване Петровиче Редькине и его открытии. Называется «До каких пор?». И дальше черным по белому написано, что Редькин по приезде в Москву был принят и внима-

тельно выслушан. Открытие его в целом одобрено и вскоре будет представлено для всенародного обсуждения.

Первая посетительница. А скажите...

Павел Сергеевич. С удовольствием. За волокиту и бюрократизм и с одобрения месткома Бриз с сегодняшнего дня уволен по соответствующему пункту. Директору за проявленное равнодушие объявлен выговор с самым последним предупреждением. В общем, всем, кому надо, указано и приказано. Так что не волнуйтесь, товарищи, поезжайте домой и работайте. И все будет хорошо.